

На правах рукописи

КИСЕЛЁВА Елена Владиславовна

**РОДИННО-КРЕСТИННЫЙ ПЕСЕННЫЙ ЦИКЛ
В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЯХ
РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Специальность 17.00.02 – «Музыкальное искусство»

Автореферат диссертации на соискание учёной степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург
2018

Работа выполнена на кафедре этномузыкологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова»

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент
Ирина Степановна Попова

**Официальные
оппоненты:** доктор искусствоведения, учёный секретарь
Федерального государственного бюджетного
научно-исследовательского учреждения
«Государственный институт искусствознания»
Ольга Алексеевна Пашина

кандидат искусствоведения, старший научный
сотрудник сектора фольклора Федерального
бюджетного научно-исследовательского
учреждения «Российский институт истории
искусств»
Галина Валентиновна Тавлай

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московская государственная консерватория
имени П.И. Чайковского»

Защита
состоится _____
(дата, время)

на заседании диссертационного
совета _____
(шифр диссертационного совета, название организации, на базе которой создан диссертационный совет, адрес)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте

(название организации, на базе которой создан диссертационный совет, адрес сайта, на котором размещена диссертация и
автореферат)

Автореферат
разослан _____
(дата)

Ученый секретарь
диссертационного совета _____
(фамилия, имя, отчество – при наличии)

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Диссертация представляет собой первое комплексное исследование музыкально-поэтического фольклора родинно-крестинного ритуала в традициях русско-белорусского пограничья.

Изучаемая территория располагается в верховьях рек Западная Двина и Днепр и исторически связана с расселением полоцко-смоленских кривичей. В работе рассматриваются две локальные фольклорные традиции, зафиксированные в ходе комплексного фронтального изучения западнорусских территорий: *смоленско-витебская* (по течению Днепра), и *псковско-витебская* (по течению Западной Двины). Понятие *русско-белорусского пограничья* используется как условное обозначение единой этнокультурной зоны, обособляемой по совокупности ландшафтно-географических, историко-этнографических и лингвистических показателей.

Значимость выбранной темы заключается в том, что к работе привлекаются уникальные полевые фольклорно-этнографические материалы, расширяющие ранее установленные в этномузыкологии границы распространения изучаемого явления. Песни в системе родинно-крестинного ритуала впервые исследуются как единый цикл, имеющий определенные фазы своего развития. Особое место отведено проблеме жанровой атрибуции родинно-крестинного музыкально-поэтического фольклора, предлагается терминология для обозначения отдельных составляющих песенного цикла в системе ритуала.

Степень разработанности научной проблематики. Собираание фольклора и этнографических данных по заявленной тематике *в северо-западном крае* (в дореволюционных изданиях так обозначается территория современной Беларуси и русско-белорусского пограничья) начинается в последней трети XIX века. Основной формой публикации являются фольклорно-этнографические сборники по Витебской и Смоленской губерниям, в которых более или менее полно представлены материалы по традиционной культуре региона.

Первыми крупными публикациями родинно-крестинного фольклора являются «Белорусские народные песни» П. В. Шейна и «Белорусские песни» И. И. Носовича (обе – в 1874). В изданиях представлены развернутые поэтические тексты родинно-крестинных песен с сохранением особенностей диалектного произнесения, приведённые образцы паспортизированы. В 1887 г. в «Материалах для изучения быта и языка русского населения северо-западного края» П. В. Шейна выходит первая нотная публикация песен родинно-крестинного цикла. В труде В. Н. Добровольского «Смоленский этнографический сборник» (1893) обнародован объемный корпус поэтических текстов песен родинно-крестинного цикла, а также осуществлён опыт систематизации поэтических текстов по месту в обряде. В издании Н. И. Никифоровского «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (1897) представлены исключительно этнографические описания ритуала изучаемой территории, а в «Белорусском сборнике» Е. Р. Романова (1910) – первые обработки напевов. Тогда же публикуются этнографические сведения по родинно-крестинной

обрядности из других регионов: П. П. Чубинского (1877), Н. Ф. Сумцова (1880–1897), Д. И. Успенского (1895), А. М. Редько (1899), В. В. Степанова (1906), В. Н. Харузиной (1904–06). Издания дореволюционного периода не только открывают жанр родинно-крестинной песни, но и закладывают основы для его дальнейшего изучения.

В первой половине XX столетия родинно-крестинная обрядность и фольклор практически не исследовались, что было обусловлено идеологизацией науки. Лишь со второй половины века возобновляется интерес к данной теме – в основном, в работах белорусских собирателей и исследователей.

Выделяется несколько типов публикаций, где обнаруживаются образцы родинно-крестинного фольклора и описания обряда: сборники-антологии под редакцией Г. И. Цитовича – «Песни беларускага народа» (1959) и «Анталогія беларускай народнай песні» (1968, 1975); региональные издания белорусских фольклорных материалов: «Белорусский фольклор в современных записях» (1973), а также «Песні Беларускага Паазер'я» (1981) и «Песни Белорусского Полесья» (1983–84) З. Я. Можейко; издания комплексного характера «Традыцыйная мастацкая культура беларусаў» под редакцией З. Я. Можейко и Т. Б. Варфоломеевой (1999, 2001, 2004); коллективные монографии «Радзінная паэзія» (1971) и «Радзіны: абрад, песні» (1998). Большой вклад в изучение песен родинно-крестинного цикла внесла Г. В. Тавлай, представившая результаты исследования в научных статьях «Белорусские крестинные напевы (опыт гомологической типологизации)» (2002), «Напевы крестинных песен Литвы и их восточно-европейский контекст» (2009). Научные разработки по данной проблематике также опубликованы в статьях Н.А. Лежнёвой «Радзінныя песні. Беларускія народныя абрады» (1994), И. С. Катвицкой «Тыпавыя напевы беларускага радзіннага абрада і тэрыторыіх пашырэння» (2006) и «Сучасная радзінная песенная традыцыя ў Беларусі: пытанні стылістыкі» (2007); Т. Б. Варфоломеевой «Песенный компонент Белорусского родинного обряда» (2014).

Работы российских исследователей, освещающие материалы родинно-крестинного ритуала Псковщины и Смоленщины, представлены единичными публикациями. Прежде всего это издание «Народная традиционная культура Псковской области» (сост., науч. ред. А. М. Мехнецов, 2002), содержащее комплексное описание изучаемого ритуала Себежского района Псковской области с приведением образцов музыкально-поэтического фольклора (раздел подготовлен К. А. Мехнецовой). Отметим также статьи и доклады Л. П. Маховой по полевым материалам из Руднянского района Смоленской области: «Крестьбины в смоленской традиции: обряд и художественные формы» (1999), «Крещение ребёнка и обряд “крестьбин” в народной традиции» (2000), «Образы Бога и Богородицы в крестьбинских песнях Смоленской области» (2002). Отдельные сведения о родинно-крестинной обрядности и связанных с нею песенных жанрах из различных регионов России опубликованы Г. М. Науменко в «Этнографии детства» (1998).

Объектом диссертационного исследования является музыкальный фольклор в системе родинно-крестинного ритуала. **Предметом** изучения

выступает родинно-крестинный песенный цикл, представленный в двух локальных фольклорных традициях русско-белорусского пограничья.

Основная цель работы заключается в системном исследовании родинно-крестинного песенного цикла, его структуры и динамики развития, в зоне русско-белорусского пограничья.

В работе решаются следующие **задачи**:

- выявление этнографического контекста бытования родинно-крестинного музыкального фольклора;
- выделение корпуса жанров музыкального фольклора;
- проведение типологической группировки родинно-крестинных обрядовых песен;
- определение границ распространения обрядовых напевов;
- установление связи между песенными и непесенными жанрами родинно-крестинного фольклора;
- характеристика внутрисистемных отношений, обеспечивающих целостность родинно-крестинного песенного цикла;
- обнаружение межжанровых связей родинно-крестинных обрядовых песен;
- историко-стилевая оценка изучаемого материала.

Материал исследования. Основной источниковой базой исследования послужили экспедиционные коллекции Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова: полевые записи Ленинградской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Себежский район Псковской области (1986, рук. – А. М. Мехнецов) и совместных экспедиций Фольклорно-этнографического центра и Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова в Руднянский (1998, рук. – А. М. Мехнецов) и Краснинский районы Смоленской области (2006, рук. – И. С. Попова). В 2009 г. автором диссертации была организована специализированная совместная экспедиция российских и белорусских этномузыкологов на территорию русско-белорусского пограничья в Руднянский район Смоленской области и Лиозненский район Витебской области¹.

В ходе научного исследования автором было проанализировано 324 единицы записей (из них 192 музыкально-поэтических образца и 131 документальное интервью, содержащее описание ритуала, тексты приговоров). В настоящую работу включено 140 наиболее ярких записей (83 образца музыкального фольклора и 57 интервью). Рассказчиками и исполнителями песен являются жители деревень, непосредственные участники родинно-крестинных ритуалов 1902–1951 годов рождения. Большинство представленных записей обнародовано впервые.

Этнографическое описание ритуала восстановлено по совокупности сведений, полученных с привлечением исторических источников – публикаций П. В. Шейна,

¹ Совместно с автором работали А. А. Мехнецов (сотрудник Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова) и И. С. Котвицкая (выпускница аспирантуры Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Республики Беларусь, 1998-2002). Экспедиционные материалы хранятся в Архиве ФЭЦ СПбГК.

И. И. Носовича, В. Н. Добровольского, Н. И. Никифоровского. Картографирование напевов осуществляется с учётом материалов белорусских исследователей.

Научная новизна. Диссертация представляет первый опыт комплексного изучения родинно-крестинных песен в фольклорных традициях русско-белорусского пограничья. Большинство фольклорно-этнографических материалов впервые вводятся в научный оборот. Песни в системе родинно-крестинной обрядности изучаются как цикл, развертывающийся во времени и пространстве. Определены закономерности развития фольклорной составляющей ритуала (постепенное возрастание плотности концентрации жанров, усиление динамико-акустических характеристик и активизация музыкального начала к финальной части обряда); установлен порядок следования песен в ритуале (выявлены фазы песенного цикла); раскрыты жанрово-стилевые особенности обрядовых песен, выявлены их функции в ритуале; проведена жанровая группировка обрядовых песен; по совокупности признаков выделены типы родинно-крестинных обрядовых напевов и определены границы их распространения.

Теоретическая значимость диссертации. Изученные в работе фольклорно-этнографические материалы корректируют сложившиеся научные взгляды на семейно-обрядовый фольклор в традициях русско-белорусского пограничья, могут быть использованы для сравнительного изучения родинно-крестинных песен в традиционных культурах других народов, картографирования музыкального фольклора и стать основой для составления фольклорно-этнографического атласа. На основе полученных результатов уточняются теоретические положения, связанные с жанровой атрибуцией родинно-крестинного музыкального фольклора, выявлением структурно-типологических свойств и жанрово-стилевых черт родинно-крестинных обрядовых песен; вводятся новые терминологические обозначения выделенных групп родинно-крестинных обрядовых песен.

Практическая значимость диссертации. Основные выводы работы могут быть учтены при подготовке лекций для студентов средних профессиональных и высших образовательных учреждений по предмету «Народное музыкальное творчество» и при освоении содержания ряда специальных дисциплин в рамках образовательных программ по направлениям: «Музыкознание и музыкально-прикладное искусство» (профиль – этномузыкалогия). Кроме того, материалы диссертации представляют интерес для исполнителей народной музыки, композиторов, любителей музыкального искусства, могут быть использованы в исследовательской, концертно-творческой работе, а также служить для сохранения и актуализации нематериального культурного наследия.

Методология и методы исследования. Работа основывается на методологических принципах и установках, принятых в этномузыкалогической школе Санкт-Петербургской консерватории, которые связаны с комплексным и системным подходами к изучению образцов традиционной народной культуры. Основной научной категорией, позволяющей проводить системное изучение материалов, служит понятие *фольклорно-этнографический текст*, под которым понимается «каждый законченный в функционально-содержательном и

композиционном отношении фрагмент народной традиционной культуры»², рассматривающийся на трех основных уровнях: художественной формы (комплекс языковых средств, знаковых систем); этнографического контекста (обрядовое действие и другие обстоятельства бытования художественной формы); функционально-смысловой направленности исполнения (система жизненных смыслов, назначение).

При изучении семантики обрядов, связанных с рождением и крещением ребёнка, исследование ориентировано на ключевые положения теории ритуала, сформулированные в трудах А. ванн Геннепа, В. Н. Топорова, А. К. Байбурина. При анализе поэтических текстов применяются принципы выявления сюжетообразующих поэтических мотивов, которые изложены в работах Б. Н. Путилова, Г. И. Мальцева. В разделах исследования, посвящённых слогоритмической и ладо-интонационной организации напевов, используются методы структурно-типологического изучения фольклора (разработанные в исследованиях К. В. Квитки, Х. С. Кушнарёва, Т. С. Бершадской, В. И. Елатова, А. В. Рудневой, А. А. Банина, Б. Б. Ефименковой), привлекаются положения теории интонации (сформулированные Б. В. Асафьевым и развитые в трудах Ф. А. Рубцова, Е. А. Ручьевской, Г. В. Лобковой), употребляются понятия «напева-формулы» / «интонационной формулы» (работы З. В. Эвальд, Ф. А. Рубцова, З. Я. Можейко).

В диссертации учтён опыт гомологической типологизации, предложенный Г. В. Тавлай, позволяющий делать выводы о едином генезисе явлений, не всегда сходных на уровне внешней структуры и функции. Исследование проблемы цикличности музыкальных форм проводится на основе научных разработок Л. А. Мазеля и В. А. Цуккермана, Е. А. Ручьевской, С. К. Матякубовой, а также применяется метод структурирования корпуса песен в виде концентрической системы, который впервые был предложен З. Я. Можейко применительно к песням календарно-обрядового цикла.

В решении вопросов ареального изучения традиционной народной культуры и фольклора диссертация ориентирована на труды К. В. Квитки, Е. В. Гиппиуса, А. М. Мехнецова, О. А. Пашиной и методологию, сложившуюся при разработке Полесского этнолингвистического атласа (под руководством Н. И. Толстого).

Положения, выносимые на защиту:

1. Область родинно-крестинного фольклора в традициях русско-белорусского пограничья включает в себя заговоры, паремии, ритуальные диалоги, приговоры, припевки, пляски, обрядовые и необрядовые песни, в совокупности обеспечивающие развертывание всех этапов ритуала.
2. Центральным компонентом родинно-крестинного фольклора в традициях русско-белорусского пограничья выступают песенные формы, образующие сбалансированную систему из трёх концентрических кругов: обрядовые песни (первый круг), приуроченные плясовые (второй круг), лирические и балладные песни (третий круг).

² Понятие предложено А. М. Мехнецовым. См.: Мехнецов А. М. Фольклорный текст в структуре явлений народной традиционной культуры // Музыка устной традиции: Мат-лы международных научных конференций памяти А. В. Рудневой / Науч. ред.-сост. Н. Н. Гилярова. М., 1999. С. 178–183.

3. Родинно-крестинный песенный цикл образуется в результате взаимодействия основных функциональных линий ритуала: обрядово-магической, коммуникативной и празднично-поздравительной. Выявляются начальная, срединная и финальная фазы развертывания цикла, каждая из которых связана с определенными типами напевов обрядовых песен.
4. Родинно-крестинный песенный цикл представлен в двух локальных традициях русско-белорусского пограничья (смоленско-витебском и псковско-витебском), различающихся характером соотношения обрядовых и необрядовых жанров, образно-поэтическим содержанием текстов обрядовых песен, типологией напевов.
5. Родинно-крестинные обрядовые песни обнаруживают многомерные межжанровые связи с непесенными жанрами, свадебными, хороводными, плясовыми и сезонно-приуроченными лирическими песнями русско-белорусского пограничья.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечены большим объёмом собранного и проработанного полевого материала, зафиксированного в ходе планомерной экспедиционной работы по методике комплексного изучения фольклорных традиций.

По теме диссертационного исследования был сделан ряд докладов на научно-практических конференциях и семинарах: «Звуковая среда народа: проблемы сохранения и изучения звуковых фольклорных архивов России и Беларуси» (Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 11–12 ноября 2013 г.); Межрегиональная творческая лаборатория «Воспитание традицией» (Ульяновск, ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области», ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 10–12 сентября 2015 г.); Региональная творческая лаборатория «Школа народной традиционной культуры» (Санкт-Петербург, ГБУК ЛО «Учебно-методический центр культуры и искусства», 2–5 июня 2015 г.); Курсы повышения квалификации для специалистов детских образовательных учреждений и педагогов дополнительного образования (Санкт-Петербург, Отдел религиозного образования Санкт-Петербургской епархии, 1 октября 2016 г.); XII семинар по народной традиционной культуре для руководителей фольклорных коллективов (Санкт-Петербург, ЛО ГБУК «Дом народного творчества», 30 ноября 2016 г.); Международная научно-практическая конференция «Фольклор народов России и стран СНГ» (Санкт-Петербург, Российский институт истории искусств, 24–28 октября 2016 г.); XI Международная научная конференция «Аўтэнтэчны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання» (Республика Беларусь, Минск, БДУКМ, 21–23 апреля 2017 г.).

Основные результаты исследования изложены в 11 печатных работах (в том числе – в 3 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России).

Структура работы подчинена логике многоаспектного изучения родинно-крестинного песенного фольклора в традициях русско-белорусского пограничья и состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы и приложения в двух разделах: «Карты географического распространения типов родинно-

крестинных обрядовых напевов» (11 образцов); «Образцы напевов и поэтических текстов песен родинно-крестинного цикла» (83 образца).

СОДЕРЖАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** дается обоснование актуальности темы, формулируются предмет и объект исследования, обосновываются цель и задачи работы, характеризуются источники, определяется методологическая основа и методы исследования, приводится историографический обзор публикаций по представленной теме. Здесь же намечается круг основных вопросов, связанных с жанровой атрибуцией родинно-крестинного музыкально-поэтического фольклора, принципами образования песенного цикла, границами распространения изучаемого явления.

Глава 1. Родинно-крестинные обряды русско-белорусского пограничья

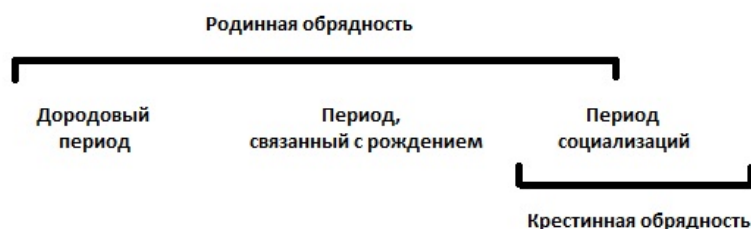
Первая глава посвящена выявлению системообразующих компонентов ритуала и принципов его организации, изучению состава обрядовых действий, их семантики и функций, что является необходимым этапом для исследования родинно-крестинного песенного цикла. Анализ хода ритуала позволяет установить общие закономерности, которые служат основой для выявления свойств циклической организации песен.

1.1. Положение родинно-крестинной обрядности в системе ритуалов жизненного цикла. Обряды, связанные с рождением и крещением ребёнка, рассматриваются как единый комплекс, являющийся составным элементом макросистемы — ритуалов жизненного цикла человека. Рождение ребёнка в народном мировоззрении осмысливается как его приход из иного мира (об этом, например, свидетельствует ряд запретов, которые накладываются на женщину во время беременности, а также обычай захоронения плаценты в землю). Важное значение имели ритуальные действия на свадьбе, направленные на появление потомства. Тем самым, родинно-крестинный ритуал был вписан в структуру жизненного цикла человека (рождение — свадьба — смерть), реализовывал идею преемственности.

Различная функциональная направленность родинно-крестинных акций (одни имеют отношение к физиологическому аспекту рождения, другие связаны с приобщением к сфере культуры) позволяет выявить два основных обрядовых комплекса: *родины* и *крестины*. Они находятся между собой в неразрывной взаимосвязи (*Схема 1*), что подтверждается бытующими в языке поговорками: «Взяли бабу на ходины, так будут и родины; были бы родины, а крестины будут; где были родины, там будут и крестины»³.

Схема 1

³*Родины* — пора родов и празднование их, обряды при них; *крестины* — совершение таинства святого крещения; совершаемый при сем обряд; пир, празднество, по сему поводу (См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2003. Т. 4. С. 11).

Для младенца родинно-крестинные обряды выступают началом жизненного пути. Для других участников, к которым относятся родители (мать и отец), баба-повитуха и крестные (кум и кума), а также родственники и члены деревенской общины, они являются частью развертывания жизненного цикла. Родинно-крестинный ритуал воплощает идею обретения основными участниками нового социально-культурного статуса и последующего его утверждения. Это прослеживается на всех уровнях организации и реализуется в трехчленной структуре ритуала, характерной для «обрядов перехода»:

- первый этап соотносится с периодом ожидания ребёнка и связан с поэтапным отчуждением беременной от социума,
- второй этап совпадает с периодом родов и является переходным для матери и новорождённого,
- третий этап соответствует периоду социализации ребёнка и матери.

1.2. Народные представления и обряды, связанные с рождением ребёнка. В разделе излагаются этнографические описания обрядовых действий, совершаемых от наступления беременности до проведения деревенскими женщинами родильницы спустя несколько дней после родов.

Дородовый период. Беременная женщина (*цижарная, непоробная*) считалась нечистой и опасной для окружающих. Ее повседневная жизнь была строго регламентирована запретами и предписаниями, значение которых возрастало по мере приближения срока родов. Ритуальные действия данного периода направлены на формирование психофизиологических качеств ребёнка, способствуют благоприятному течению беременности и положительному родоразрешению.

Роди́ны. Ключевой фигурой в организации ритуальных акций обозначенного этапа является повивальная баба (*баба-пупарезница, сповительница*). Отец семейства или старший в роду приглашал повитуху принять роды – *перебабить*: перерезать и перевязать пуповину, обмыть младенца и первый раз его запеленать. В конце роженица (*ради́ха, рожо́ха*) одаривала повитуху.

Проведывание родильницы. В течение первых дней после рождения ребёнка и вплоть до его крещения ходили *в атведки, провидки, на ради́ны*. Повитуха и имеющие детей замужние женщины приходили проводить новоиспеченную мать с дарами в виде ритуальной каши *чачёхи, драчён*, блинов. Трапеза на родинах нацелена на приобщение родильницы к социальной группе женщин-матерей.

Таким образом, ритуальные действия, приуроченные к периоду ожидания младенца и родам, выполняют охранительные и продуцирующие функции. Обрядовая трапеза при посещении молодой матери выполняет интегрирующие функции, способствуя обновлению традиционного сообщества.

1.3. Крестинные обряды. Основными этапами крестинной обрядности являются: выбор и приглашение в крёстные (*братъ у кумы*); отправление в церковь (*ехать пад крёст*) и наречение именем; застолье после таинства крещения (*хре́сьбины, ксти́ны*), обряды второго (*похмелье, похмелки* или *хмели́нки*) и третьего (*мура́винки*) дней празднества.

Торжество после таинства крещения занимает кульминационное положение и отличается многосоставностью ритуальных акций, связанных со встречей крёстных с младенцем по возвращению из церкви и передачей ребёнка родителям; обрядовым столованием с величаниями и наделением дарами; *размыванием рук* между матерью ребёнка и повитухой; выносом обрядовой *каши*; *катанием на бороне* повитухи и крёстных.

Обращаясь к современному состоянию родинно-крестинного обрядового комплекса, отметим, что некоторые его элементы, известные по дореволюционным публикациям, утрачиваются или претерпевают изменения. Вместе с тем, в результате исследования новейших полевых материалов были выявлены неизвестные ранее варианты обрядов, а также локализованы некоторые этнографические компоненты родинно-крестинной обрядности.

Традицию **смоленско-витебского пограничья** характеризуют насыщенность всех периодов (дородового, собственно родов и периода социализации), а также определенный порядок ритуалов в конце крестинного пира (после обряда *катания на бороне* повитухи и крёстных следовал вынос *каши* бабой-повитухой). На **псковско-витебском пограничье** по большей части зафиксированы сведения о ритуалах периода социализации (*хре́сьбины*), праздничное столование имеет иной порядок обрядовых действий: сначала *баба продавала кашу*, а затем главных участников ритуала *го́цкали* (поднимали и качали) на бороне.

В целом, современные полевые записи свидетельствуют о хорошей сохранности родинно-крестинного обрядового комплекса в изучаемом регионе. Вместе с тем, некоторые элементы структуры перестают выполнять ритуальные функции, переходят из активной сферы бытования в пассивную (их помнят пожилые жители) или вторичную (входят в репертуар местных самодеятельных коллективов).

Глава 2. Принципы образования родинно-крестинного песенного цикла

Вторая глава посвящена выявлению закономерностей организации родинно-крестинного песенного цикла. Циклическая организация является универсальным принципом формообразования, который проявляется в разнообразных сферах художественной деятельности. Движущей силой цикла выступает контраст, который, с одной стороны, направлен на дифференциацию разнородных составляющих, с другой – осуществляет переход от раздельной множественности к единству⁴. Основными свойствами циклической организации

⁴Матякубова С. К. Принцип цикличности и циклические формы в восточной монодии (на материале узбекской традиционной музыки): Автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Ташкент, 1990.С. 5.

являются наличие объединяющей идеи, существование функциональных отношений между отдельными частями, а также присутствие свойств, отвечающих за развитие цикла. Целостность, самостоятельность и замкнутость родинно-крестинного цикла определяются тем обстоятельством, что весь песенный корпус обеспечивает одну категорию обрядов, связанных с рождением и крещением младенца.

В параграфе 2.1 выявляются закономерности включения фольклорных жанров в контекст ритуала и обозначается место в нём обрядовых песен. В параграфе 2.2 проводится анализ образно-поэтического содержания текстов песен разных жанров, включенных в родинно-крестинную обрядность. В параграфе 2.3 песенный цикл изучается как системное явление и как динамический процесс, разворачивающийся во времени.

2.1. Предпосылки формирования цикла родинно-крестинных песен. Фольклор, включенный в изучаемый обрядовый комплекс, разнообразен в жанровом отношении. Он представлен вербальными (паремии, заговоры, ритуальные диалоги, приговоры) и песенными жанрами (обрядовыми, приуроченными лирическими, балладными, плясовыми), включает обрядовые припевки, хореографические и инструментальные формы. Паремии и ритуальные диалоги пронизывают все пространство ритуала, обеспечивая его единство и целостность, хореографический фольклор и инструментальная музыка функционируют исключительно во время крестинного застолья.

Место обрядовых песен преимущественно связано с крестинами, которые занимают ведущее положение в структуре ритуала – такая ситуация обнаруживается в традиции **псковско-витебского пограничья**. В зоне **смоленско-витебского пограничья** ключевые обрядовые напевы выходят за пределы обозначенного контекста и звучат также *в атведки* (в ситуации величания родителей и повитухи) и на *похмелье* (сопровождают обрядовое катание на бороне). Тем самым, в данной традиции исполнение обрядовых песен маркирует начальную и финальную фазы песенного цикла, который в своих локальных территориальных версиях может иметь различную протяженность.

В развитии фольклорной составляющей ритуала выявляются три закономерности: 1) постепенное возрастание плотности концентрации различных фольклорных жанров, 2) динамизация акустических характеристик звучания, 3) усиление собственно музыкального начала к завершающей фазе ритуала.

Значимые сакральные точки ритуала (появление младенца на свет, отправление в церковь, передача окрещённого ребёнка родителям) отмечаются тишиной. Затем использование средств художественной выразительности выстраивается следующим образом: от речевой формы произнесения слова (*паремии*) до слова, произнесенного шёпотом (*заговоры*), декламируемого (*ритуальные диалоги*), скандируемого (*приговоры*) и, наконец, проинтонированного (*песенные формы*). Общей динамизации способствует включение инструментальной музыки и хореографического компонента в финальную фазу ритуала.

2.2. Образно-поэтический строй песен. Изучение песенных текстов разных жанров позволяет охарактеризовать особенности организации родинно-

крестинного цикла на уровне образного содержания. При анализе применяется способ группировки поэтических текстов с выделением ведущих сюжетообразующих мотивов.

Поэтические тексты **обрядовых песен** содержат мотивы трёх различных групп. Мотивы *первой группы* раскрывают представления о непосредственном участии божественных сил в жизни людей, где первые оказывают покровительство, а вторые выступают в качестве просителей. Тем самым, выявляется вертикаль отношений между двумя мирами – миром божественного и человеческого: в данных поэтических мотивах древнее заклинательное начало сопрягается с христианской системой поэтических образов.

Поэтические мотивы *второй группы* в обобщенной художественно-символической форме отражают нормы поведения основных чиннов (бабы-повитухи, крёстных, родителей новорождённого, гостей) в аспекте регулирования хода обряда. Часть мотивов *комментирует ранее состоявшиеся обрядовые действия*, воссоздавая целостную картину ритуальных событий, по традиции совершавшихся тайно. Другая часть мотивов связана с *обозначением обрядовых этапов крестинного столования*. Их особенностью является использование глаголов в повелительном наклонении (*пыхдарить, зыпряхить, связить, ганить и др.*). Песни, включающие подобные поэтические мотивы, выполняют церемониальную функцию и используются в узловых точках обряда.

К поэтическим мотивам *третьей группы* относятся *величания и хуления*, которые рассматриваются как равнозначные между собой в функциональном отношении. Они связаны общей идеей – утверждением социального статуса родителей новорождённого, бабы-повитухи и кумовей. В поэтических текстах обязательным оказывается обращение к участникам обряда по имени или обозначение их ритуального статуса. Мотивы величания и хуления широко представлены в календарном и свадебном фольклоре, но в контексте родинно-крестинной обрядности занимают особое место, составляя доминанту поэтической системы. Данные мотивы могут выступать в роли сюжетообразующих и вспомогательных, соединяясь с поэтическими мотивами двух рассмотренных выше групп.

Включение **приуроченных песен** в родинно-крестинный ритуал осуществляется на основе общности тематики семейно-родственных отношений. В поэтике **плясовых песен** ярко проявляется смеховое начало, сближающее их с хулениями обрядового фольклора. В поэтических текстах приуроченных **лирических и балладных песен** развивается тематика замужней жизни женщины, описываются коллизии, возникающие между членами семьи. Данные особенности поэтического содержания приуроченных необрядовых песен в числе прочих создают предпосылки для формирования родинно-крестинного песенного цикла в целом.

2.3. Песенный цикл как система и как процессуальное явление. Песни родинно-крестинного цикла различаются по функциональной направленности и по степени связи с ритуалом. Выделяются три основные функциональные линии, проявляющие себя на всех уровнях организации фольклорно-этнографического

текста: 1) обрядово-магическая, 2) празднично-поздравительная, 3) коммуникативная.

Следуя методам исследования, разработанным З. Я. Можейко, песенный цикл может быть представлен в виде целостной системы, организованной в форме *концентрических кругов*.

Первый круг системы составляют строго прикреплённые к ритуалу функционально ёмкие **обрядовые песни**. Они исполняются исключительно в контексте родинно-крестинной обрядности, чётко скоординированы с ходом ритуала или соотнесены с конкретными участниками обряда. Посредством обрядовых песен регламентируются начало и окончание праздничного времени, обозначены важные вехи внутренней структуры ритуала (наделение, катание на бороне и вынос каши).

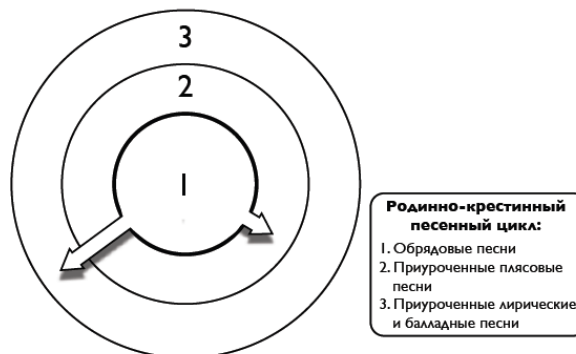
Персональная адресация песен конкретным участникам ритуала формирует группы, способствующие циклизации обрядового репертуара. В результате, образуются своеобразные микроциклы песен бабе-повитухе, крёстным, родителям, отцу новорождённого, а также оформляются сквозные линии величаний и хулений всех основных участников обряда. Таким образом, в песнях этой группы реализуется преимущественно обрядово-магическая функциональность.

Второй круг образуют приуроченные **плясовые песни** с ярко выраженной празднично-поздравительной функцией. Они имеют опосредованную связь с обрядом – поются *кала хрэсьбин*. Ведущим свойством напевов данной группы является их моторно-двигательный характер, обусловленный наличием хореографического движения. Носители традиции отмечают, что во время пения обязательно *приплясывали, пели в танце*.

Третий круг представляют **лирические и балладные песни**, не строго приуроченные к изучаемому обрядовому комплексу. Они могли звучать в ситуации любого праздничного застолья, способствуя социальной идентификации и выполняя коммуникативную функцию.

Смысловое ядро системы представляют обрядовые песни, напевы которых, в зависимости от доминирования той или иной функции, сближаются либо с плясовой, либо с лирической сферами (*Схема 2*).

Схема 2

Наличие приуроченных песен в родинно-крестинном цикле может быть осмыслено с разных позиций. Первое и наиболее очевидное объяснение – забвение обрядовых напевов, что, по наблюдениям белорусских исследователей (в

частности, Катвицкой), характерно для периферийной части изучаемого региона. Другая версия, которой придерживается автор настоящей работы, основывается на идее о формировании плясовых, лирических и балладных песен в недрах обрядовой системы родинно-крестинного цикла с дальнейшим выходом за её пределы и приобретением ими самостоятельного жанрового статуса.

Основной ситуацией исполнения песен в родинно-крестинной обрядности является праздничное застолье в день крещения ребёнка. Ход развития данного ритуала создаёт условия для циклизации включённых в него песенных форм. Крестинный пир имеет чёткую структуру, в которой выделяются начальная, срединная и финальная фазы. В песенном цикле с данными фазами соотносятся следующие функции **обрядовых песен**:

- *первая* песня – связана с зачином обрядовой трапезы (начало песенного цикла);
- величания и хуления сопровождают ритуалы наделения дарами и потчевания гостей (середина песенного цикла);
- *последняя* песня – замыкает ритуал; в традиции смоленско-витебского пограничья исполняется *на вынос каши*, в традиции псковско-витебского пограничья связана с *качанием на бороне* (финал песенного цикла).

Место в обряде **приуроченных плясовых, лирических и балладных песен** строго не регламентировано, они сконцентрированы во второй половине ритуала, благодаря чему осуществляется динамическое сопряжение трёх выделенных функциональных линий: обрядово-магической, коммуникативной и празднично-поздравительной. Плясовые песни сообщают крестинному пиру характер веселья, лирические и балладные, напротив, придают застолью черты «беседы» – непринужденного общения гостей в ходе трапезы. В наибольшей степени сопряжение функциональных линий проявляется в традиции **смоленско-витебского пограничья**, что связано с разнообразием обрядовых напевов и закреплением их положения в ритуале.

При рассмотрении цикла родинно-крестинных песен как концентрической системы обнаруживаются две тенденции, равные по силе и противоположные по направленности действия. С одной стороны, система стремится к сохранению целостности ядра, представленного группой обрядовых песен, и его продуктивным функционированием (центростремительные силы). С другой стороны, границы между кругами оказываются проницаемыми, и элементы структуры ядра стремятся выйти за его рамки (центробежные силы системы). Посредством смысловой оппозиции приуроченных жанров регулируется баланс внутри системы родинно-крестинного песенного цикла в целом.

Глава 3. Родинно-крестинные обрядовые песни

Третья глава посвящена структурно-типологической и жанрово-стилевой характеристике родинно-крестинных обрядовых песен русско-белорусского

пограничья. В параграфе 3.1 выделяются основные ритмоформулы и принципы их соединения в устойчивые слогоритмические модели. В параграфе 3.2 рассматриваются принципы ладообразования и процессы интонационного развития напевов. В параграфе 3.3 представлены основные типы родинно-крестинных обрядовых напевов (в соотношении с поэтическими текстами и по месту в обряде), раскрыты их ритуальные функции, а также обозначено территориальное распространение.

3.1. Слогоритмические закономерности. Слогоритмическая организация родинно-крестинных обрядовых песен относится к времяизмерительному количественному типу, характерному для большинства обрядовых форм западнорусского региона. Его основной чертой является стабильность ритмических единиц всех уровней.

Ритм слогопроизнесения обнаруживает устойчивые закономерности, связанные с проявлением формульности. Выделяется несколько основных типов ритмических звеньев, которые характеризуются повторяемостью, стабильностью и универсальностью, выступают в качестве знаковых элементов музыкальной речи. Они имеют широкое функционально-семантическое поле и, помимо родинно-крестинных обрядовых песен, характеризуют другие жанры музыкального фольклора изучаемого региона: календарные, свадебные, лирические, хороводные и плясовые песни.

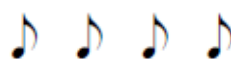
Ритмоформулам присущи два основных признака: фиксированная протяжённость музыкального времени и ритмический рисунок. Если протяжённость формулы на уровне напева измеряется количеством счетных музыкальных единиц (хронос протос) и является константой, то стих демонстрирует черты переменности количественно-слогового состава, т. е. мобилен. Вместе с тем, обладая одними и теми же количественными показателями стиха, ритмоформула может иметь разную архитеконику и рисунок.

Слогоритмические модели родинно-крестинных обрядовых песен строятся за счет различных комбинаций: в одном случае формулы группируются по принципу подобия – посредством повтора определённого звена, в другом – по принципу контраста (соединение различных звеньев).

В основе большинства обрядовых напевов лежат полифункциональные **шестимерные пятислоговые формулы**. Они проявляются в различных ритмических вариантах и композиционных воплощениях: пятисложник с долготой на третьем слоге в большей степени направлен на произнесение ритуально значимого слова; пятисложник с долготой на последнем слоге придаёт напевам моторно-двигательный импульс.

Другой ряд напевов объединяет наличие **четырёхмерной четырёхслоговой ритмоформулы**, генетически связанной с ритмом плясового шага (Рис. 1):

Рисунок 1

Отдельно рассматриваются слогоритмические модели со *сменой пульсации* (с двоичной на троичную) и *особым согласованием музыкального времени и акцентности стиха* (выделение неакцентного слога долготой).

В результате сцепления различных ритмических формул выявляется одиннадцать самостоятельных слогоритмических моделей родинно-крестинных обрядовых песен, которые тяготеют к трём группам напевов, обособляющимся по функциональному и стилевому признакам: 1) заклинательным; 2) песенно-повествовательным; 3) моторно-двигательным.

3.2. Ладо-интонационное строение. В результате изучения ладовых систем была выявлена их ангемитонная основа, свидетельствующая о принадлежности напевов к архаическому пласту обрядовой музыкальной речи. В ладообразовании прослеживаются два принципа: 1) с квинтовым, 2) с квартовым соотношением опорных тонов.

Первый принцип ладообразования характеризуется противопоставлением двух опор, главная из которых располагается на нижнем тоне квинтовой ячейки. Напевы с квинтовой основой лада занимают доминирующее положение в изучаемой традиции. В интонационном развитии напевов данной группы ведущее значение имеет типовая попевка, которую по праву можно считать *музыкальным символом крестин*⁵.

Второй принцип ладообразования связан с возможностью каждого из двух тонов квартовой ячейки выступать в качестве главной опоры. Ладовые модели данной группы весьма разнообразны и строятся на основе одной ячейки или посредством сцепления нескольких через общий тон, функционально переосмысляемый в процессе ладового развертывания. Напевы с квартовой основой лада менее представительны для изучаемой традиции.

Особенности становления лада прослеживаются в процессе интонационного развития напевов, где каждая звуковысотная структура может быть скоординирована с несколькими различными слогоритмическими типами.

Напевы с квинтовой и квартовой основой лада достаточно обособлены, что обусловлено их содержанием и назначением. Вместе с тем, в процессе интонационного развития все изучаемые напевы восходят к общей идее клича как ведущего импульса их динамического становления. Кличевое начало выступает в качестве знака-сигнала, маркирующего главные события ритуала; оно оформляет магическое обращение к миру предков, божественных сил; пронизывает обращения, адресованные участникам обрядового процесса и др.

3.3. Жанрово-стилевая группировка и ареалы бытования обрядовых напевов. На данном этапе исследования выделяются самостоятельные типы обрядовых напевов, обозначается их взаимодействие с поэтическими текстами, ситуацией исполнения, прослеживается территория распространения. Определение ареалов напевов осуществляется на базе экспедиционных данных, а

⁵ В данном случае мы опираемся и развиваем идеи Г. В. Тавлай, считавшую «звуковую систему – тетракорд в квинте (как правило с безусловным доминированием III низкой и пропуском II ступени)» «ладовой моделью крестинных напевов». См.: Тавлай Г. В. Белорусские крестинные напевы (опыт гомологической типологизации) // Искусство устной традиции: историческая морфология: К 60-летию И. И. Земцовского: Сб. статей / Сост. и отв. ред. Н. Ю. Альмеева. СПб., 2002. С. 71.

также дополняется сведениями из публикаций. Полученные результаты раскрывают положения, заявленные во **второй главе** о различной функциональной природе песен родинно-крестинного цикла, и на новом уровне обобщают особенности циклизации в двух фольклорных традициях русско-белорусского пограничья.

По функциональному назначению в ритуале выделяются три группы обрядовых напевов, каждая из которых обнаруживает стилевые связи с различными жанрами музыкального фольклора.

К **первой группе (заклинательные песни)** принадлежат два самостоятельных обрядовых напева (*«Дай, Боже, нашему дитяте»*, *«Кали кум на двор, дак и шум за стол»*), выполняющие зачинную функцию в ритуале. (Для удобства использования основные типы напевов обозначаются по зачину скоординированных с ними поэтических текстов.)

Напевы первой группы тесно связаны с жанрами календарно-обрядового фольклора, что обнаруживается на различных уровнях их художественной организации. Несмотря на структурно-композиционные различия, они обладают общностью музыкально-ритмического строения. Приведенный ниже ритмический сегмент (*Рис. 2*) характерен для родинно-крестинных песен зачинательной функции:

Рисунок 2

В напеве *«Дай, Боже, нашему дитяте»* данный ритмический сегмент выступает в составе ритмоформулы одного из слогоритмических типов со структурой стиха 4+3; в напеве *«Кали кум на двор, дак и шум за стол»* – представляет часть пятисложного звена одного из слогоритмических типов, основанных на стихе 5+5.

Напев *«Дай, Боже, нашему дитяте»* является монотекстовым. Ключевой поэтический мотив связан с обращением к Богу с просьбой о наделении младенца долей. Ладовая и интонационная организация напева обнаруживает общность с приуроченными к весеннему сезону лирическими песнями исследуемого региона. Напев зафиксирован в Руднянском и Краснинском районах Смоленской области и не встречается в опубликованных записях по Беларуси.

Напев *«Кали кум на двор, дак и шум за стол»* является полифункциональным и политекстовым. Он может звучать в начале столования и во время величаний основных участников обряда. Напев координируется с шестью поэтическими текстами с десятисложной стиховой основой, которые актуализируются на различных этапах развертывания родинно-крестинного обрядового цикла. Данный напев представлен наибольшим количеством записей и распространен в Руднянском районе Смоленской области и Лиозненском районе Витебской области. По опубликованным материалам он известен также в Мстиславском районе Могилёвской области Беларуси. Отчетливая локализация данного напева позволяет считать его одним из самых показательных компонентов родинно-крестинного песенного цикла изучаемой фольклорной традиции.

Родинно-крестинные песни **второй группы (коммуникативные)** устанавливают статус обрядовых чинов путем величания. К этой группе принадлежат четыре самостоятельных моотекстовых напева.

Песни «*Ча́рчка медава́я*» и «*Кала речки шла наша бабычка*» служат величанием бабы-повитухи и крёстных; песня «*А ў каго́винаград на дваре?*» сочетает в себе величания отца и повитухи, отца и кумы, отца и кума; песня «*Через реченьку, через быструю гибка кладынька ляжы́ць*» связана исключительно с величанием родителей.

Все напевы рассматриваемой группы близки по музыкальной стилистике к жанру лирических песен, обладают внутрислоговой распевностью и широтой музыкального дыхания. Так, например, в напеве «*Ча́рчка медава́я*» четыре фразы песенной строфы объединяются в две мелодические волны нисходящей направленности, преодолевая цезуры внутри стиховой строки. В напеве «*Кала речки шла наша бабычка*» на границах третьего и четвёртого сегментов песенной строфы звучит выразительный интонационный ход от нижнего опорного тона к верхнему, который может быть сопоставлен с распевом-возгласом в «петровских» лирических песнях изучаемой зоны. Оба напева имеют локальное распространение (зафиксированы только в зоне руднянско-лиозненского пограничья) и не представлены в публикациях. Обладая характерными для основного корпуса родинно-крестинных напевов ладовыми и интонационными особенностями, данные напевы приобретают статус самостоятельных.

Территория бытования напева «*А ў каго́винаград на дваре?*» по полевым экспедиционным записям – Краснинский район Смоленской области и Лиозненский район Витебской области. В публикациях напев представлен большим количеством образцов, а территория его распространения охватывает северную часть Беларуси: Россонский, Полоцкий, Шарковчинский, Лепельский и Оршанский районы Витебской области; Шкловский и Горский районы Могилёвской области, Логойский, Молодеченский, Столбцовский и Червенский районы Минской области; западная граница ареала распространения напева очерчивается Сморгонским районом Гродненской области.

Напев «*Через реченьку, через быструю гибка кладынька ляжы́ць*» зафиксирован на смоленско-витебском пограничье (Руднянский район Смоленской области, Лиозненский район Витебской области), а также распространен на территории северной Беларуси (Верхнедвинский, Полоцкий, Ушачский и Оршанский районы Витебской области, Мстиславский, Горецкий и Бельницкий районы Могилёвской области).

Обрядовые песни **третьей группы (празднично-поздравительные)** объединяет общее функциональное назначение – сопровождение ритуалов, связанных с движением (три самостоятельных напева).

Напевы «*Зыпрэжы́ця вы двенадцать валоў*» и «*А в саду вишня, с-падко́рня выда́вышла*» служат стимулом к началу обряда катания на бороне. Заметим, что в основе ладовой и интонационной организации этих двух напевов лежит типовая квинтовая попевка, объединяющая различные типологические группы песен родинно-крестинного цикла. Напев «*Кала реченьки стёженька*» исполняется во время ритуальной пляски крёстных и повитухи на крестинном застолье. Моторно-

двигательный характер напеву придаёт периодичность пульсации четырёхмерного звена⁶. В отношении звуковысотной организации данный напев построен на сопоставлении двух ладогармонических комплексов, что сближает его с областью инструментально-хореографического фольклора, а именно с плясовыми наигрышами.

Поэтические тексты данной группы содержат церемониальные мотивы, побуждающие к совершению тех или иных действий, а также мотивы величания и хуления обрядовых чинов. Отметим, что последние (мотивы хуления) характерны исключительно для напевов данной группы.

Напев *«Зыпрэжы́тя вы двенадцать валоў»* зафиксирован с шестью различными поэтическими текстами. Его ареал охватывает значительную территорию: Руднянский район Смоленской области, Себежский район Псковской области; зафиксирован в северной части Беларуси – в Витебской (Лиозненский, Оршанский, Полоцкий, Бешенковичский, Лепельский и Шарковщинский районы), Могилёвской (Белыницкий, Шкловский, Горский, Мстиславский и Славгородский районы) и Минской (Крупский, Березинский, Борисовский, Смолевицкий, Логойский и Червеньский районы) областях.

Напев *«А в саду вишня с-падкору́ня выда́ вышла»* скоординирован с четырьмя различными поэтическими текстами. Ареал распространения напева связан с зоной руднянско-лиозненского пограничья и охватывает территорию Полоцкого, Верхнедвинского, Шарковщинского и Лепельского районов Витебской области, Вилейского районов Минской области Беларуси.

Напев *«Кала реченьки стёженька»* функционирует с пятью различными поэтическими текстами. В фольклорной традиции Себежского района Псковской области данный напев с поэтическим текстом величанием отцу новорождённого *«Да, спа́сиба кавалю́»* открывает застолье. Напев широко представлен в исследуемой зоне (Руднянский, Лиозненский, Себежский, Россонский и Верхнедвинский районы) и в целом по Беларуси (Полоцкий, Шарковщинский, Шумилинский, Докшинский и Лепельский районы Витебской области; Могилёвский район Могилёвской области; Молодеченский, Мядельский и Борисовский районы Минской области).

Особое положение занимают напевы *«А в неде́леньку паранёшенька виси́ть люлечка зылатёшенька»* и *«Ай, пара́-пара́ кумым ды двыра́»*. Первый из них связан с группой **коммуникативных** песен, второй – с группой **празднично-поздравительных** песен. Оба напева функционируют в различных обрядовых ситуациях (календарной и свадебной), обнаруживают формульность музыкального языка.

Напев *«А в неде́леньку паранёшенька виси́ть люлечка зылатёшенька»* бытует с тремя различными поэтическими текстами величальной направленности, которые также могут быть распеты на напев *«Кали кум на двор, дак и шум за стол»*. Варианты данного напева в фольклорной традиции Демидовского и Духовщинского районов Смоленской области функционируют как обрядовые

⁶ Г. В. Тавлай характеризует моторно-двигательное начало напевов родинно-крестинного цикла как «отчётливо слышимое, физически ощущаемое упругое, хлёсткое ритмическое бие (своего рода “бит”))». См.: Тавлай Г. В. Белорусские крестинные напевы... С. 81–82.

хороводы весенне-летнего периода. Примечательно, что на Могилёвщине были зафиксированы данные о хореографическом движении под песню *«А в неделеньку паранёшенька, висить люлечка зылатёшенька»*, что позволило собирателям атрибутировать ее как хороводную⁷. Представленный напев был записан на территории руднянско-лиозненского пограничья, а публикации позволяют судить о широком распространении напева на территории Беларуси: в районах Поозерья (Браславский, Докшицкий и Лепельский районы Витебской области; Борисовский район Минской области; Бельничский район Могилёвской области), в Поднепровье (Чериковский район Могилёвской области) и Полесье (Стародорожский и Любанский районы Минской области; Лунинецкий район Брестской области).

Напев *«Ай, пара-пара кумым ды двыра»* координируется только с одним поэтическим текстом, отмечая заключительную точку обрядового столования – это последняя песня на крестинах. Поэтический текст содержит формулу «выпроваживания», характерную для круга песен на расход гостей с празднества. Близкий напев фиксируется в данной традиции в финале свадебного ритуала. Напев *«Ай, пара-пара кумым ды двыра»* распространен в Руднянском и Краснинском районах Смоленской области.

Итак, в фольклорной традиции **смоленско-витебского пограничья** родинно-крестинный цикл включает в себя песни всех трёх обозначенных групп (заклинательные, коммуникативные и празднично-поздравительные). В традиции **псковско-витебского пограничья** экспедиционные материалы представляют только празднично-поздравительные песни, что характеризует специфику локальных версий ритуала. Заклинательные песни звучат в начальной фазе ритуала; коммуникативные чаще всего отмечают активные обрядовые действия в центральной зоне; празднично-поздравительные исполняются преимущественно в кульминационный момент и на заключительном этапе. Наличие песен различных жанрово-стилевых групп фиксирует начальную, серединную и финальную фазы цикла, а общность структурно-типологических закономерностей напевов различных групп способствует оформлению песенного цикла как единого целого.

В **заключении** подводятся итоги исследования и намечаются перспективы дальнейшей разработки научных идей о циклизации песен, исполняющихся в ходе родинно-крестинной обрядности изучаемого региона. В работе была обнаружена принципиальная многомерность и целостность родинно-крестинного песенного цикла, а также его включенность в единую региональную фольклорную систему, объединяющую северо-запад Смоленской, юго-запад Псковской областей России и Витебскую область Республики Беларусь.

По результатам проведенного анализа песенный цикл выступает центром жанровой системы родинно-крестинного фольклора, включающего в себя, кроме песен, заговоры, паремии, ритуальные диалоги, приговоры, припевки и пляски. В структуру песенного цикла входят как обрядовые, так и приуроченные плясовые,

⁷ Яшчанка В. М. Спецыфічныя асаблівасці карагодаў магілёўскага Падняпроўя летнее-восеньскага часу // Весці Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка. 2002. № 2. С. 100.

лирические и балладные песни. Степень связи названных жанров с ритуалом различна и может быть представлена в виде трёх концентрических кругов.

Первый круг образуют обрядовые песни, исполняющиеся исключительно в рамках родинно-крестинных ритуалов. *Полифункциональные* по своей природе, они характеризуются разнообразием образно-поэтического содержания текстов, проявляются в отличиях структурных и стилевых свойств напевов. Наряду с *празднично-поздравительной и коммуникативной*, доминирующее значение имеет *обрядово-магическая функция*. Песни данного круга обнаруживают связи с другими обрядовыми жанрами музыкального фольклора русско-белорусского пограничья, в том числе непесенными.

Приуроченные плясовые песни составляют **второй круг** системы родинно-крестинного фольклора, они в меньшей степени связаны с ритуалом, реализуя одну из важнейших его функций – *празднично-поздравительную*.

Третий круг объединяет приуроченные лирические и балладные песни, образно-поэтическое содержание которых связано с тематикой семейно-родственных отношений. Песенная лирика и баллады функционируют как в рамках родинно-крестинных ритуалов, так и в иных ситуациях застолья, являются средством поддержания общения участников, т. е. выполняют *коммуникативную функцию*.

Первый круг (ядро песенной системы) родинно-крестинного фольклора в стилистическом отношении восходит к ранним формам музыкального искусства восточных славян. Приуроченные песни второго и третьего кругов относятся к более позднему историко-стилевому пласту, но демонстрируют непосредственную связь с песнями первого круга.

Анализ напевов обрядовых песен со стороны их слогоритмической организации позволил установить наличие трех групп: напевы заклинательного характера (наиболее ярко выражают специфику родинно-крестинных песен); напевы моторно-двигательного характера (связаны со вторым концентрическим кругом – приуроченными плясовыми песнями) и напевы песенно-повествовательного характера (соотносятся с третьим кругом – приуроченными лирическими и балладными песнями).

Закономерности ладообразования обрядовых песен выявляют ангемитонную основу напевов и обнаруживают два ведущих принципа, восходящих к общей интонационной идее клича. Для большинства напевов характерна оппозиция двух опорных тонов в квинтовом соотношении, где главная опора – нижний тон. Меньшая часть напевов демонстрирует квартовое сопряжение опорных тонов, каждый из которых может выступать в качестве главной опоры. Объединяющим началом для напевов обрядовых песен является нисходящая квинтовая попевка – *музыкальный символ* родинно-крестинного фольклора на представленной территории. Вместе с тем, квинтовая попевка свойственна не только обрядовым, но и некоторым приуроченным жанрам – в частности, лирическим песням.

Распределение фольклорных жанров в контексте ритуала подчиняется логике взаимодействия *обрядово-магической, коммуникативной и празднично-поздравительной* функциональных линий. Это позволяет рассматривать родинно-крестинный фольклор в целом и песенный цикл в частности в динамическом

аспекте. На первых этапах (в дородовой период и период, связанный с рождением ребёнка) доминируют непесенные жанры фольклора, реализующие функции охранительной и продуцирующей магии. На родинах и крестинах актуализируется весь комплекс фольклорных жанров. Отмечается постепенное усиление динамики средств художественной выразительности – от шёпота (в заговорах) к речевой манере произнесения слова (в паремиях), затем переход к декламации (в ритуальных диалогах), скандированию (в приговорах) и, наконец, музыкальному интонированию (в песнях) с включением в финале праздника инструментального и хореографического рядов (сопровождение обрядовых песен игрой на скрипке, мандолине, цимбалах; исполнение припевок; пляски).

Родинно-крестинный песенный цикл демонстрирует три фазы развертывания: начальную, серединную и финальную. Начальная фаза определяется звучанием *заклинательных* обрядовых песен, выступающих в функции зачина ритуала (два самостоятельных напева). Серединная фаза включает в себя преимущественно *коммуникативные* обрядовые песни, направленные на установление обрядового статуса участников ритуала (четыре самостоятельных напева). Кульминация находится в точке золотого сечения песенного цикла и образуется благодаря включению *празднично-поздравительных* обрядовых песен, сопровождающих ритуалы, связанные с движением: катанием на бороне, плясками крёстных и повитухи (три самостоятельных напева). В финальной фазе цикла продолжают доминировать *празднично-поздравительные* обрядовые песни, а также включаются приуроченные плясовые, лирические и балладные песни, местоположение которых в структуре ритуала строго не регламентировано.

В результате изучения родинно-крестинного фольклора в исследуемом регионе выделяются два типа песенного цикла. В зоне **смоленско-витебского пограничья** цикл включает в себя все виды обрядовых, приуроченные плясовые и лирические песни, что в полной мере раскрывает взаимодействие основных функциональных линий ритуала. Цикл **псковско-витебского пограничья** включает в себя преимущественно празднично-поздравительные обрядовые песни, а также приуроченную песенную лирику, т.е. прослеживается рассредоточение *обрядово-магической* линии в ритуале, уступающей место *празднично-поздравительной* и *коммуникативной*.

При картографировании обрядовых напевов, зафиксированных в зоне русско-белорусского пограничья, было выявлено шесть самостоятельных напевов, распространенных по северной части Беларуси – в Поозерье, а также определены их крайние точки на российской территории – в Руднянском и Краснинском районах Смоленской области (на востоке) и в Себежском районе Псковской области (на севере ареала). Кроме того, в изучаемом регионе было выявлено пять напевов локального распространения, характерных исключительно для смоленско-витебского пограничья и определяющих своеобразный этнокультурный статус русско-белорусского пограничья.

Перспектива проведенного исследования заключается в сравнительном изучении песен родинно-крестинного цикла в традиционных культурах народов Восточной Европы и стран Балтии. Результаты работы позволят приблизиться к решению вопроса о наличии общих закономерностей организации родинно-

крестинного песенного цикла в различных фольклорных традициях. Перспективным представляется также сравнительное исследование принципов циклической организации песен родинно-крестинного, календарно-обрядового (песни престольных праздников) и семейно-обрядового (свадебные песни) фольклора в западно-русских и белорусских традициях.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора**

в специальных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России:

1. Киселёва Е. В. Родинно-крестинный песенный цикл на территории русско-белорусского пограничья // Музыка и время. № 2. 2011. С. 28–31.
2. Киселёва Е. В. Современное состояние родинно-крестинной обрядности: к вопросу о переинтонировании обрядовых напевов // Традиционная культура. Научный альманах. № 4. 2011. С. 35–44.
3. Киселёва Е. В. Жанрово-стилевые и структурно-типологические особенности родинно-крестинных песен русско-белорусского пограничья // Музыковедение. № 6. 2014. С. 36–41.

в других изданиях:

1. Киселёва, Е. В. Родинно-крестинный обрядовый комплекс в культурной традиции западных районов Смоленской области / Е. В. Киселёва // Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: Труды семинара «Культурный ландшафт» / под ред. Т. М. Красовской. М.: Изд-во МГУ, 2009. Вып. 4. С. 102–105.
2. Киселёва, Е. В. Рёнтюшки — ингерманландская песенно-хореографическая традиция // Этномузыкальные культуры народов Российского Севера (проблемы изучения, сохранения и передачи традиций): сборник статей Научно-практической конференции «Методы освоения локальных певческих и инструментальных традиций» / С. В. Косырева, С. Ю. Николаева. Петрозаводск, 2013. С. 51–56.
3. Коренные малочисленные народы Ленинградской области / И. Н. Белобородова, И. А. Демидова, Е. В. Киселёва и др. СПб., 2014. – 19 с.
4. Киселёва, Е. В. Ингерманландские «Рёнтюшки» // Финноугория: этнический комфорт. 2014. № 12. С. 26–27.
5. Киселёва, Е. В. Архив фольклорно-этнографических материалов как основа работы в сфере сохранения и популяризации традиционной народной культуры // Воспитание традицией: материалы Межрегиональной творческой лаборатории, Ульяновск, 10–12 сентября 2015 г. / ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области»; ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова»; редкол.: Д. В. Ионова (отв. ред.), Н. А. Орлова, М. Г. Матлин (сост.) и др. – Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова» 2015. С. 69–71.
6. Свадьба: материалы по свадебному обряду русских Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии: середина XIX–XX вв. / И. П. Рыжова, Д. А. Горб, Е. В. Киселёва. СПб.: Композитор, 2015. 128 с.
7. Киселёва, Е. История собирания и изучения музыкального фольклора в системе родинно-крестинной обрядности // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антрапалага Зінаіды

Мажэйкі): зб. Навук. прац / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; рэдкал.: Языковіч В.Р. (старш.) [іішн.]. Мінск: БДУКМ, 2017. С. 60–62.

8. Киселёва, Е. Образно-поэтический строй родинно-крестинных обрядовых песен в традициях русско-белорусского пограничья // Аўтэнтычны фальклор: праблемы захавання, вывучэння, успрымання (памяці антраполага Зінаіды Мажэйкі): зб. Навук. прац / М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў; рэдкал.: Языковіч В.Р. (старш.) [іішн.]. Мінск: БДУКМ, 2017. С. 80–83.